

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.8

EDN: OWVGJP

ПАМЯТИ Б.М. ФИРСОВА

(22.06.1929 — 18.01.2024)

Б.З. ДОКТОРОВ¹

¹ Независимый исследователь.
Фостер Сити, Калифорния, США.

МАЛОЗНАКОМЫЙ Б.М. ФИРСОВ

Аннотация. 18 января скончался Борис Максимович Фирсов (1929–2024) — исследователь очень широкого масштаба и личность высочайшего гражданского мужества. Он с полным основанием может быть назван человеком нескольких эпох и многообразного жизненного опыта. Сначала — работа на высоких управленческих постах, затем — многоплановая научная и организационная деятельность в социологии: исследования различных срезов, состояний массового сознания, истории социологии, а в последние годы — социальной истории. Б.М. Фирсовым создан Социологический институт РАН, он — создатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге. О нем не раз писали коллеги, а в 2021 г. в серии «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается» вышла книга В. Выжutowича «Борис Фирсов». Автора настоящей статьи связывали

с Фирсовым полвека сотрудничества и дружбы, и это дает ему право сказать о существовании малоизвестных сторон жизни Бориса Максимовича и направлениях его исследований. В статье рассказывается о соприкосновении Б.М. Фирсова с театральным искусством: о его значимом участии в рождении спектакля «Весна в ЛЭТИ» (1953 г.) — раннего символа политической оттепели; о написанном им сценарии не показанного зрителям спектакля «Смерть Вазир-Мухтара» (1969 г.) по роману Юрия Тынянова; об участии в уникальном проекте «Социология и театр» (1973–1989 гг.).

Ключевые слова: Борис Максимович Фирсов (1929–2024); ленинградский театр; социология театра; история российской социологии.

Для цитирования: Докторов Б.З. Малоизвестный Б.М. Фирсов // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 171–190. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.8 EDN: OWVGJP

Введение

18 января на 95-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался Борис Максимович Фирсов (1929–2024) — исследователь очень широкого масштаба и личность высоких гражданских качеств. Фирсов входит в короткий ряд наиболее известных российских социологов. Он с полным основанием может быть назван человеком нескольких эпох с многообразным жизненным опытом. Сначала — работа на высоких управленческих постах, затем — многоплановая деятельность в социологии: исследования различных срезов, состояний массового сознания, истории социологии, а в последние годы — социальной истории. Им заложены основы Социологического института РАН, он — создатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Фирсов — человек, преданный идеалам «шестидесятничества», один из нравственных авторитетов нашего профессионального сообщества. О его преданности науке и верности дружбе писали долгие годы знавшие его Андрей Алексеев, Андрей Здравомыслов, Игорь Кон, Владимир Шляпентох, Владимир Ядов и др. В 2021 г. в серии «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается» вышла книга журналиста В. Выжуровича «Борис Фирсов», в которой сказано, что созданием Европейского университета в Санкт-Петербурге Фирсов обеспечил себе место в истории русской культуры. Вспоминаю слова В.А. Ядова: «Ну, что мы, пишем статьи, книги. Вот Борис! Он создал Университет!»

Передо мною первая социологическая книга Фирсова «Телевидение глазами социолога» (1971 г.), не помню, когда я заглядывал в нее, а теперь, когда его не стало, открыл. На книге дарственная надпись: «Борису Зусмановичу Докторову с надеждой на вечное [подчеркнуто Б.М. Фирсовым] сотрудничество, в областях, представляющих общий интерес» и дата: «12 марта 1972 г.». Короткий текст,

он о многом, к тому же он содержит тайну, до конца не раскрытую и сегодня.

Начало 1972 г. Мы не просто знакомы пару лет, но совместно провели инновационные и крупные по тому времени социологические исследования, о которых мы долго не имели права говорить, да и потом не получили его, просто исчезла институция, наложившая запрет. Тематика — общественное мнение ленинградцев, институция — КПСС.

Сложилось ли наше «вечное сотрудничество»? В 2005 г. я провел биографическое интервью с Фирсовым и в преамбуле к его публикации писал: «Почти двадцать лет мы работали вместе, и мне всегда это было интересно. Мы встречались утром, зная, что предстоит сделать в течение дня, нередко работали вместе много часов, надолго задерживались на работе, продолжали наши дискуссии по дороге на метро и уже из дома обменивались телефонными звонками, чтобы уточнить детали грядущего дня. <...> Мой отъезд в Америку в 1994 году лишь увеличил физическое расстояние между нами и сделал еще более приятными и памятными каждую из наших встреч» [7].

Прошли годы, и я так объяснил мотивацию общения с Фирсовым: «По-видимому, мне нужен был контакт с человеком старше меня с целью уточнения своих политико-идеологических и жизненных ориентиров» [1, с. 162]. Прежде всего меня привлекли в нем именно политико-социальные и нравственные аспекты его жизненного пути и та открытость в обсуждении всего поля тем, которых мы касались в нашей работе и в неформальных беседах.

Вглядываясь в прошлое, я утверждаю, что надежда БМ (десятилетия я обращался к Фирсову именно так) на наше вечное сотрудничество осуществилась. Разве более пятидесяти лет теснейшего общения во всех наших жизненных перипетиях не вечность?

Знание прожитого и сделанного Б.М. Фирсовым дает мне право утверждать существование «малоизвестного Фирсова» и попытаться сократить зону «белых пятен» в его биографии. При этом замечу, что ряд таких лакун имеют, скажем, естественно-историческое происхождение, но есть такие, которые порождены социально-политическими обстоятельствами.

Траектория досоциологической жизни Б.М. Фирсова

В рамках изучения истории современной советской/российской социологии мною в 2005–2016 гг. проведено около 220 биографических интервью, в том числе более 40 бесед (с помощью электронной почты) с теми, кто родился в интервале 1923–1934 гг., в моей классификации — это первое и второе поколения отечественных социологов. Ниже будет пунктиром намечена очень богатая предсоциологическая биография Фирсова, относящегося к когорте II, сейчас же замечу сра-

зу, что ничего подобного у представителей этих поколений не было, тем более у всех последующих. Социологи первого поколения, если только они не участвовали в войне, рано приобщались к науке: философии, экономике, истории и в целом плавно и, главное, самостоятельно входили в социологию и создавали первые небольшие профессиональные группы, коллективы. Те, кто составил второе поколение, фактически были ровесниками первых и одновременно их первыми учениками, последователями. Легко понять, что досоциологический опыт представителей второго поколения обычно был более продолжительным и разнообразным, чем у первых. Исходно они искали себя в различных областях деятельности, не только в науке. Фирсов — можно сказать, ярко выраженный представитель второго поколения.

В 24 года, еще не завершив обучение в Ленинградском электротехническом институте (ЛЭТИ), Борис Фирсов стал секретарем Петроградского райкома ВЛКСМ, в 1956 г. ему 27 лет, он — секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ. В сфере его ответственности: культура, образование, можно сказать, массовое сознание молодежи Ленинграда и Ленинградской области. Огромное поле деятельности. С порученным делом он успешно справлялся, но начинал замечать, что полученные им технические и математические знания выветривались, поэтому, имея красный диплом, намеревался вернуться в родной институт в аспирантуру. Однако у партийного начальства города были свои планы, и в 30 лет он становится первым секретарем Дзержинского райкома партии. Это исторический центр города, пространство старой петербургской и, собственно, ленинградской культуры: архитектурные ансамбли, музеи, театры и концертные залы, творческие союзы, издательства. Очевидно, передвинув молодого и энергичного партийного функционера в Дзержинский район, «отцы города» понимали, с кем имеют дело, видели организационный, культурный и коммуникативный потенциал Фирсова. Вскоре ему уже светила перспектива переезда в Москву и работы в ЦК КПСС, но он категорически отказался. По тем временам это было серьезным нарушением партийной дисциплины, и оставаться в партийном аппарате он уже не мог. Но это и не входило в его планы.

Не спрашивая Фирсова, но принимая во внимание характер его образования и опыт работы в комсомоле и партии, его назначают директором Ленинградского телевидения.

Если говорить об оптимальности трудоустройства Фирсова в 1962 г., то, смотря в прошлое, можно с уверенностью сказать, что его свершившееся «перемещение» на пост директора Ленинградского телевидения было из области оптимальных. Вспоминая то время, он заметил: «Скажу без обиняков: работать на телевидении было захватывающе интересно. Мои коллеги — ядро профессионалов, работавших на Ленинградском ТВ, видели свою миссию в интенсивном

культурном просвещении телевизионной аудитории на основе высоких художественных стандартов. Сеять разумное, доброе, вечное, творить и выдумывать было девизом людей, работавших на студии в то время и опиравшихся на поддержку самых широких слоев интеллигенции города. Я без колебаний принял эту позицию и взял за правило отстаивать ее до конца» [7].

В 2009 г. при обсуждении книги Фирсова о разномыслии И.А. Муравьева, бывшая редактор телевидения, вспоминала, что сотрудники студии ожидали прихода на пост директора какого-либо партийного функционера, и именно к такому повороту событий они были готовы. И тут пришел молодой остроумный человек, который в своей «тронной речи» приводит строчку из песни Окуджавы про Ваньку Морозова: «Она по проволоке ходила...» Затем, по ее словам, началась «золотая эра» Ленинградского телевидения, когда действительно многое разрешалось, сотрудники с полной отдачей делали то, что им хотелось, что они считали нужным, он поддерживал их начинания.

Был подготовлен цикл передач о Ф.М. Достоевском, что по тем временам было смелым, новаторским и содержало определенный вызов официальной трактовке образа и произведений писателя. Имя Достоевского лишь вскользь упоминалось в школьных учебниках, а многие преподаватели вообще старались обойти вниманием его важнейшие произведения, его наследие изучали лишь будущие литературоведы, причем философия писателя бесконечно упрощалась, «подгонялась» под требования коллективистской психологии. И вот в это время телевидение показало один из лучших спектаклей Георгия Товстоногова по роману «Идиот». После блистательного исполнения роли князя Мышкина пришла слава к ранее малоизвестному актеру Иннокентию Смоктуновскому. Ленинградцы заинтересовались Петербургом Достоевского, начали читать и перечитывать его произведения. Телевидение — можно с уверенностью говорить — для многих открыло Достоевского, вернуло его в актуальную культуру времени.

Более того, Ленинградское телевидение сделало попытку показать гуманизм американской литературы XX века. Именно ленинградцы увидели на телевизионном экране правдивое прочтение произведений Дж. Стейнбека, У. Сарояна и Дж. Сэлинджера, Т. Уильямса и Э. Хемингуэя — мало известных в ту пору или совсем не известных классиков американской литературы. Так, экранизация книги Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» стала для телезрителей открытием тогдашней Америки, вызвала их громадный интерес, но одновременно в очередной раз «напрягло» цензуру. Цензоры, видя решимость телевизионщиков отстаивать свое право на показ передачи, пугали редакторов опасностями аполитичности, обвиняли их в отсутствии классового подхода, который там вовсе не был нужен.

Вскоре Фирсов «дымился» от «проколов», нарастало количество строгих выговоров и наставлений о том, как надо работать. Он понимал, что партийное руководство города ждет момента, когда сможет снять его с должности, но в опоре на поддержку творческого ядра телестудии он продолжал избранную, «шестидесятническую» линию развития Ленинградского телевидения.

И вот ожидавшееся Смольным (там размещалось руководство Ленинградской партийной организации) произошло: настало 4 января 1966 г., и вышла передача «Литературный вторник». В студии редакторами были собраны: писатели Л. Успенский, О. Волков, В. Солоухин, литературный критик В. Бушин, литературоведы и искусствоведы Б. Вахтин, В. Иванов, Д. Лихачев, Л. Емельянов. Едва началась передача, спонтанно — скорее всего, неожиданно для себя — заговорили на большую для многих тему: сохранение традиций русской культуры в разговорной речи, в литературе, в старинных названиях городов и улиц — без недомолвок и оговорок, называя вещи и явления своими именами. Даже сейчас, спустя полвека, после многих и многих возвращений дореволюционных имен городам и улицам, в России идет дискуссия о характере этого процесса, но в то время такие обсуждения имели характер социального взрыва, и открытая дискуссия напрягла властные структуры. Практически на целый час всесоюзный эфир вышел из-под контроля идеологического диктатора.

Вскоре появилась «Записка отдела пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с телепередачей Ленинградского телевидения “Литературный вторник”». В ней был и вывод: «Освободить от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова...». Б.М. Фирсов — опять на распутье: «Что делать?»

Много лет спустя БМ говорил мне, что после изгнания с телевидения он несколько дней был «в транс», осмысливал прожитое, думал о будущем. Ему сразу было ясно: никакого возврата в партийную номенклатуру. Одни советовали ему поучиться в Академии общественных наук и подготовить диссертацию о партийном руководстве телевидением, но это было для него абсолютно неприемлемым. Другие предлагали вернуться в ЛЭТИ, где его еще помнили, и стать преподавателем. Но для этого требовалось не менее пяти лет: два года на преодоление отставания в уровне профессиональных знаний и три — на подготовку диссертации. В его 37 лет он не мог на это пойти.

Но две встречи с незаурядными личностями и профессионалами высочайшего ранга, ровесниками и убежденными «шестидесятниками» определили его выбор, и не просто места работы, но всей последующей жизни. Скажем определеннее: судьбы.

Сначала назову Бориса Борисовича Вахтина (1930–1981) — писателя, сценариста, переводчика-китаиста. Именно он был ведущим теле-

визионного «Литературного вторника», на котором приглашенные писатели, историки, культурологи попытались иметь собственный голос, что не приветствовалось. В 1966 г. Вахтин, когда вел «Литературный вторник», уже был признанным синологом и официально не признанным, но интересным писателем. В советские годы у него было опубликовано лишь три рассказа, но с 1977 г. его произведения печатались в эмигрантских журналах. В 1960-е гг. Борис Вахтин был фактически неформальным лидером молодых ленинградских писателей. Он был близок к правозащитному движению, подписывал обращения в защиту политзаключенных. В 1964 г. он выступал в поддержку Иосифа Бродского. Его подпись удостоверяет точность пересказа событий, происходивших в процессе суда над поэтом. В 1966 г. во время суда над Андреем Синяевским и Юлием Даниэлем Вахтин вел записи, которые позже использовались в «Хронике текущих событий» — первом в СССР неподцензурном правозащитном информационном бюллетене, который распространялся через самиздат.

В указанном выше интервью Фирсов так охарактеризовал влияние на него Вахтина: «Одним из ведущих “Вторника” был Борис Вахтин — ленинградский прозаик, переводчик, китаист. Судьбе было угодно спаять узами крепчайшей дружбы нас двоих, дотоле незнакомых людей. Я и по сей день живу под знаком необыкновенной вахтинской личности, не в силах примириться с внезапной смертью Бориса в 1981 г. Быть свободным всегда! Этому я с опозданием научился у него» [7, с. 10].

Вторым человеком, оказавшим тогда решающее влияние на дальнейшую жизнь Фирсова, был Владимир Александрович Ядов (1929–2015) — один из самых ярких создателей советской/российской социологии. В недавнем прошлом секретарь обкома комсомола Фирсов сосватал Ядова на пост секретаря Василеостровского райкома ВЛКСМ, чем задержал его работу над кандидатской диссертацией, но не остановил его научного роста.

Встреча с Ядовым внесла ясность в размышления Фирсова, в котором, по его словам, «сидел “вирус” телевидения». Ядов оказался нужным человеком в нужном месте и в нужное время. Он предложил старому другу поступить к нему в очную аспирантуру философского факультета ЛГУ, чтобы писать социологическую кандидатскую диссертацию по материалам изучения ленинградской телевизионной аудитории.

Все развивалось стремительно, сказывались организационная хватка Фирсова, его целеустремленность, знание предмета изучения и его желание слезть с содержания жены и мамы, которые обеспечивали жизнь «скубента». В феврале 1966 г. Фирсов поступил в аспирантуру, его задумка — изучить ленинградскую телеаудиторию была поддержана в Ленинграде и в Москве Госкомитетом по радиовещанию и телевидению. Было заключено негласное соглашение о том, чтобы

после защиты диссертации изыскать возможности для его работы «на телевидение». С этой целью председатель комитета Н. Месяцев попросил Министерство высшего образования найти возможность его стажировки в Англии.

В стенах Би-би-си Фирсов имел полную свободу: имел право смотреть все, что хотел, встречаться с творческими и административными работниками всех уровней, читать любые документы, о существовании которых ему становилось известно, задавать любые вопросы, будучи уверенным в том, что ему будет предложена встреча с человеком, который даст на них исчерпывающие ответы. Когда стало ясно, что время идет слишком быстро и Фирсову не хватает рабочего дня, чтобы прочесть запрошенные материалы, ему разрешили работать в Службе изучения аудитории в вечернее и ночное время. В здании оставались лишь два человека: охранник при входе и начинающий советский исследователь аудитории.

Но в отлаженный Фирсовым порядок работы вмешались обстоятельства самого высокого уровня. Имея разрешение на продление командировки до весны 1968 г., он в декабре 1967 г. получил официальное письмо Госкомитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР с предложением занять должность генерального директора советского телевидения. Эта новая структура создавалась в связи с завершением строительства телецентра в Останкине.

Добрый советчиком Фирсова в сложившейся непростой во многих отношениях ситуации оказался специальный корреспондент советского радио и телевидения в Лондоне, популярный в те годы международный политобозреватель Владимир Дунаев. Они быстро сдружились и взяли за привычку примерять английский опыт к советским условиям. Предложение комитета оказалось для Фирсова неожиданным, позиция генерального директора ему и не снилась. И вот два ровесника-«шестидесятника», романтики, верившие в возможность перемены к лучшему в обществе, решили: «Теперь, когда стало более или менее ясно, “как надо”, не использовать шанс и не попытаться сделать “как надо” было бы ошибкой» [7, с. 9]. И билет на самолет до Москвы был заказан на 14 декабря 1967 г.

Первые два дня после прилета прошли в странном ожидании необходимого в таком случае разговора. Радиотелевизионный комитет молчал, и Фирсов решил не напоминать о себе. Он уже сделал необходимое: известил комитет о своем согласии принять предложенный ему пост и сообщил дату прилета из Лондона. В конце второго дня ожидания ему позвонил в гостиницу ответственный сотрудник отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и пригласил его на встречу. Уже в начале разговора Фирсову было сказано о существовании обстоятельств, которые вынуждают ЦК КПСС применить «обходную тактику» для

занятия предложенного кресла. Ленинградский обком настаивал на освобождении Фирсова от работы на телевидении.

И тогда Фирсов «хлопнул дверьми», в тот же вечер он уехал в Ленинград проводить эмпирическое исследование ленинградской телеаудитории; теперь он знал, как это делать. Срок занятий в аспирантуре истек в феврале 1969 г., но он закончил свою работу раньше, и защита диссертации состоялась досрочно. Не только для семьи, но и для большого числа друзей Фирсова, телевизионщиков-сослуживцев успешная защита была знаком его победы над обстоятельствами, ответом на вызов судьбы.

Но «лондонские университеты» не только дали Фирсову знание методологии и методов изучения телеаудитории, они усилили его разномыслие. Вспоминая те годы, он писал: «В итоге жизнь в Лондоне стала причиной и источником моего усиливавшегося разномыслия» [8, с. 442].

«Поле малой известности»

Защитой кандидатской диссертации «Социальные проблемы телевидения» (1969 г.) завершился досоциологический период жизни Б.М. Фирсова. Ему 40 лет, наполненных многообразным, уникальным жизненным и социальным опытом. Впереди его ждало более полувека исследовательской, преподавательской и научно-организационной деятельности в социологии. Во всем этом и напрямую, и в преломленной форме проявились воля, характер, знания, навыки общения, личный авторитет, приобретенные в первые 40 лет жизни. Не принимая всего этого во внимание, трудно понять сделанное им в дальнейшем.

Повторю: Фирсов входит в короткий ряд наиболее известных российских социологов, вместе с тем утверждение «малоизвестный Б.М. Фирсов» распространяется и на некоторые аспекты его жизненного пути и творчества, и на тему обещающего быть интересным историко-биографического исследования. Все дальше уходит время — точнее, эпоха — первичной социализации Фирсова и его досоциологического прошлого, и все менее становятся понятными характер его общественно-политической активности (комсомольская и партийная работа) и ее роль в становлении и многолетней деятельности известного Фирсова-социолога. Ниже будет рассмотрена линия «Фирсов и театр», проходящая через всю его жизнь и позволяющая полнее увидеть становление его личности и широту научных интересов. Однако справедливо говорить о возможности очерчивания поля, или пространства, малой известности Фирсова, что во многом удивительно, когда речь идет не о далеком прошлом, но о современном ученом.

Так, практически «белым пятном» в истории исследований общественного мнения в СССР являются опросы, проводившиеся Фирсовым в Ленинграде по прямому заказу обкома КПСС.

Парадоксальная ситуация: Фирсова освободили от должности секретаря райкома КПСС, затем с шумом сняли с поста директора Ленинградского телевидения, но, когда руководству города потребовалось наладить сбор информации об отношении работающего населения Ленинграда к программным документам, пришлось доверить реализацию этого проекта ему, опальному партийному аппаратчику и новоиспеченному социологу.

В 2005 г., беседуя с Фирсовым о жизни, мы вспомнили эту работу. Я сказал: «Возвращаясь к событиям 35-летней давности, я не могу не спросить у тебя ради истины, почему, держа вместе со всей партией курс на стагнацию, обком КПСС решил проводить опросы общественного мнения, да еще не по городской тематике, а по вопросам отношения населения к политике КПСС (на примере партсъездов тех лет)?» Ответ Фирсова был очень обстоятельным. Прочитую несколько фрагментов: «Мы с честью, скажу об этом без стеснения, преодолели свою часть дистанции. Была создана система для оперативных опросов общественного мнения различных слоев населения крупного города. <...> Систему прокатали несколько раз (на примере изучения отношения населения к XXIV, XXV, XXVI съездам КПСС и других актуальных вопросов). Наш коллективный рекорд: разработка и апробация оперативного режима (экспресс-опрос 2000 человек с выдачей первичных результатов в течение суток от момента начала опроса). Общее число исследований, проведенных в рамках специализированной системы (1971–1984 г.), составило 15. Тогдашние цензурные условия и правило, согласно которому вся деятельность партии не подлежала оглашению в открытой печати, не позволили опубликовать результаты опросов общественного мнения в интересах партии. Когда-нибудь будут сняты замки секретности с этой работы, и я расскажу о ней подробно» [7, с. 12–13]. Замки эти давно заржавели и упали, однако Фирсов не успел рассказать, а теперь, скорее всего, никто и никогда не расскажет.

За долгие годы работы мы не сорвали ни одного опроса, не имели никаких нареканий со стороны «заказчика», однако пришло время, когда партия — а точнее, секретарь обкома КПСС Г.В. Романов — увидела в наших опросах возможный канал утечки информации о жизни Ленинграда, наши опросы стали опасными. Фирсов говорил: «...постоянная жажда лести и похвалы, пусть не себе, а городу, доверенному ему, Романову, партией, и есть причина того, что нашей бурной деятельности в качестве боевых помощников КПСС был положен конец» [6, с. 11]. Эхо этих событий прозвучало в октябре 1984 г., когда бюро Ленинградского обкома КПСС объявило Фирсову строгий выговор с занесением в учетную карточку (поясню: это очень высокая мера наказания) и освободило его от заведования сектором в Институте социально-экономических проблем АН СССР. Партия всегда с особой злостью относилась к тем, кого считала «вероотступниками». Так

завершился первый этап социологической деятельности и началась пятилетка его (малоизвестной, но продуктивной) деятельности в ленинградской части Института этнографии АН СССР.

Совсем кратко наметчу еще один сюжет из очерченного семантического пространства, который можно назвать «автобиография духа Бориса Фирсова». Речь идет о социологическом анализе двухтомника «Невосторженные размышления» [3; 4], содержащего беседы с видными представителями ленинградской/петербургской интеллигенции. Первый том содержит 20 интервью, проведенных в 1995–1996 гг., о событиях перестройки и о последующих десяти годах. Общая картина: если говорить о рациональном аспекте отношения — то масштабное разномыслие, если об эмоциональном — невосторженность. Второй том — повторные интервью с теми, кто остался жив, четверть века спустя.

К сожалению, этот труд не содержит в явном виде мнения, суждения Фирсова по стержневым проблемам постперестроечного времени, но, уверен, мы можем вычитать их в словах героев книги, тех, кого Фирсов пригласил к беседам и, что важно, кто согласился высказаться.

Не могу назвать всех соавторов книги, но некоторых представлю: нейрофизиолог Н.П. Бехтерева, математик А.М. Вершик, кинорежиссер А.Ю. Герман, писатели Я.А. Гордин и Н.С. Катерли, экономист Б.Л. Овсиевич, писатель Б.Н. Стругацкий, протоиерей Владимир Федоров, социолог В.А. Ядов. Все они — известные в избранных ими областях деятельности, и все — с четко выраженным гуманистическим взглядом на мир. Не думаю, что кто-либо, кроме Фирсова, мог бы в Петербурге собрать такую группу остро ориентированных интеллектуалов. Но ему верили. И он верил этим людям.

«Поле малой известности» можно заполнить еще множеством сюжетов, но теперь раскрою линию «Фирсов и театр».

«Весна в ЛЭТИ»: спектакль и символ оттепели

Жизнь распорядилась так, что годы обучения в ЛЭТИ стали для Фирсова стартовой площадкой его активной общественной, организаторской, а затем научно-исследовательской деятельности, но не его работы в области электрофизики. Сам он об этом с горечью писал: «Я окончил Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина) в феврале 1954 г., получив диплом инженера-электрофизика с отличием. Однако, вместо того чтобы принять лестное предложение кафедры — поступить в аспирантуру ЛЭТИ и заниматься электронной оптикой, я стал общественным деятелем» [8, с. 400].

В своих воспоминаниях «лучом света в темном царстве» заидеологизированной жизни студентов ЛЭТИ Фирсов назвал музыкальный спектакль «Весна в ЛЭТИ», поставленный будущими «технарями».

Время показало, что это более чем скромное обозначение сделанного студентами сегодня рассматривается историками культуры как один из первых звонков, предвестников «оттепельных» изменений в культуре и жизни молодежи.

В 2007 г. петербургское телевидение в цикле «Культурный слой» подготовило передачу «Весна в ЛЭТИ. 1953», в которой рассказывается о времени и процессе рождения этого спектакля и о команде авторов¹.

Свой рассказ о «Весне в ЛЭТИ» петербургский историк, культуролог и журналист Лев Лурье начинает словами: «Здесь, на Аптекарском острове, весной 1953 г. происходит эпохальное событие, значение которого современники сумели определить много позже. Здесь сразу после смерти Сталина было поставлено эстрадное представление студенческой самодеятельности Ленинградского электротехнического института, которое называлось “Весна в ЛЭТИ”. Тютчев писал: “Мы молодой весны гонцы, она нас выслала вперед”. Студенты Электротехнического института оказались этими самыми гонцами весны, гонцами оттепели»².

Сталин умер 5 марта 1953 г., а 11 мая 1953 г. состоялась премьера этого спектакля. Продолжает Лев Лурье: «Прошло меньше двух месяцев со дня похорон Сталина [точнее, со дня его смерти. — *Прим. ред.*]. Страной управляет коллективное руководство во главе с Лаврентием Пальчем Берией. А здесь, около Выборгского дворца культуры, огромная толпа: люди, откуда-то узнавшие, что здесь будет премьера “Весны в ЛЭТИ”, стараются проникнуть в этот зал. И хотя здесь две тысячи мест — много для города, но попасть невозможно: разбиты двери, люди лезут через крыши. Успех невероятный! Музыкальное обозрение из жизни студентов-электротехников становится первой культурной сенсацией “оттепели”. Театрализованное представление, в котором не было ни одного профессионального актера, обсуждают маститые деятели искусств, в прессе появляются рецензии, билеты на очередные представления реализуются через театральные кассы города, часто с приличной нагрузкой. Спектакль исполнили 19 раз, из них четыре в Москве»³.

Очень ценными оказались воспоминания Михаила Смарышева, доктора технических наук, профессора, исполнителя одной из главных ролей спектакля. Сначала он говорит о судьбе более раннего представления: «Сочинил эту поэму в стихах студент Анатолий Флейтман, сам он играл Мефистофеля и пел: “Люди гибнут за металл”. Как-то нехорошо смотрелось, что советский студент гибнет за презренный металл,

¹ «Весна в ЛЭТИ. 1953» // Культурный слой. 5 мая 2007. — URL: <https://www.5-tv.ru/programs/broadcast/501209/> (дата обращения 18.03.2024).

² Там же.

³ Там же.

поэтому кончился этот вечер плохо: после него состоялось разбирательство в комитете комсомола, Флейтмана чуть не выгнали из комсомола. Я же в те времена был членом культмассовой комиссии профкома и обратился к секретарю комитета комсомола Боре Фирсову с таким вопросом: “Нельзя ли сделать так, чтобы мы как бы под идеологическим надзором работали, а потом поставили интересную вещь?”. Борис Фирсов, сын репрессированного, будущий знаменитый социолог, глава Ленинградского телевидения в 60-е годы, основатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, совершенно не походил на стандартного комсомольского вожака сталинского времени. Идея ревью Фирсову понравилась, и именно он сумел уломать руководство ЛЭТИ дать добро. Работа над спектаклем началась⁴.

«Весна в ЛЭТИ» уменьшила количество потенциальных электротехников, но дала солидную прибавку Союзу композиторов и Союзу писателей. Песни Александра Колкера, автора музыки к спектаклю, стали на десятилетия всенародными хитами. Ким Рыжов и еще два автора стихов — Михаил Гиндин и Генрих Рябкин стали профессиональными литераторами. Что касается Бориса Фирсова, то тогда к нему моментально пришла известность смелого, самостоятельного комсомольского работника, совершенно не похожего «на стандартного комсомольского вожака сталинского времени». Действительно, будущее показало, что «Весна в ЛЭТИ» раскрыла в Фирсове потенциал разномыслия и вывела его на дорогу, которая привела его в социологию. Конечно, не сразу: путь этот был сложным, овражистым, но каждый шаг — чего, естественно, никто не мог знать — приближал его к изучению общества.

Со времени рождения «Весны в ЛЭТИ» прошло 70 лет. Сегодня другая страна и другое время, иная культурная среда, и уже сложно понять, почему, скажем, 12 девушек, среди которых была и будущая жена Фирсова — Галина Валяевская, в купальниках исполняющих на сцене немудреный танец, вызывали резкое неприятие комсомольского начальства города. Однако Фирсов — с его, вообще говоря, небогатым житейским опытом и на тот момент незавершенным физико-инженерным образованием — уже обладал заметным зарядом коллективизма и потому оказался востребованным временем. Ему было дано понять и, что еще важнее, принять намечавшиеся новые тенденции в культуре и новые ожидания молодежи, уставшей от военных и первых послевоенных лет. Разве это не предрасположенность к анализу социума? И не действие социальной направленности? И не пример разномыслия?

На крутых поворотах дороги к социологии Фирсов не раз задумывался, не свернуть ли с нее, не вернуться ли в ЛЭТИ и не поступить ли

⁴ «Весна в ЛЭТИ. 1953» // Культурный слой. 5 мая 2007. — URL: <https://www.5-tv.ru/programs/broadcast/501209/> (дата обращения 18.03.2024).

в аспирантуру. Но понимал, что поздно. «Весна в ЛЭТИ» стала точкой невозврата к досоциологической деятельности.

Легендарный спектакль «Смерть Вазир-Мухтара»

1969 г. ознаменовался в жизни Фирсова еще одним событием, куда более уникальным, чем защита кандидатской диссертации: по его сценарию был создан телеспектакль «Смерть Вазир-Мухтара»⁵. В основании сценария лежал одноименный роман Юрия Тынянова о последних месяцах жизни писателя и дипломата Александра Грибоедова (1795–1829) — полномочного представителя (на персидском языке — Вазир-Мухтар) Российской империи в Персии. Грибоедов трагически погиб в Тегеране, когда толпа религиозных фанатиков перебила практически всех сотрудников российского посольства.

Ставила телеспектакль известный режиссер Роза Сирóта, активно работавшая на ленинградском телевидении и в Большом драматическом театре (БДТ), где внесла значительный вклад в такие шедевры Георгия Товстоногова, как «Эзоп», «Варвары», «Идиот», «Синьор Марио пишет комедию», «Пять вечеров» и «Моя старшая сестра», «Мещане» и «Лиса и виноград». Вместе с Сирóтой в постановке «Смерти Вазир-Мухтара» участвовал и актер БДТ, режиссер и литератор Владимир Рецептер, исполнивший и главную роль — Александра Грибоедова. Не надо быть театралом, чтобы понимать, что в спектакле участвовала «звездная команда» актеров БДТ. Назову лишь несколько имен: Сергей Юрский, Владислав Стржельчик, Николай Трофимов, Вадим Медведев, Наталья Тенякова, Ефим Копелян, Евгений Лебедев, Григорий Гай и др.

Википедия сообщает, что спектакль был записан, смонтирован, одобрен художественным советом и анонсирован для показа по телевидению. Однако один из редакторов сопоставил, что именно в день трансляции Председатель Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный отправляется с визитом в Тегеран. Он решил посоветоваться с редактором на ступень выше, тот позвонил следующему, а последний — заместителю председателя Гостелерадио СССР Э. Мамедову, который, собственно, и отменил передачу. Причина запрета была политической, СССР заигрывал с Ираном, и упоминание о тегеранской трагедии было не ко времени.

В октябре 1970 г. группа ленинградских театральных деятелей обратилась в Гостелерадио СССР с письмом (оно было подписано Ю. Толубеевым и Г. Товстоноговым) с просьбой о закрытом показе работы на секции драматических театров Ленинграда, но был получен отказ. Однако в Москве закрытый просмотр был разрешен

⁵ «Смерть Вазир-Мухтара». Телеспектакль по роману Ю. Тынянова (1969 г.). — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kLPXku7CuQE> (дата обращения 18.03.2024).

в Театральном музее им. А.А. Бахрушина. После просмотра, вызвавшего полное одобрение московской интеллигенции, Роза Сирота сказала: «...фильм получился, артисты замечательные... Но лезть на стенку... Ей-богу, не знаю... Пусть остается легендой!»

Так оно и стало. Еще одна легенда в нашей культуре. И в российской социологии.

О чем только мы с БМ за долгие годы дружбы не говорили, но он никогда не вспоминал этот спектакль. Но в июне 2017 г., во время последней нашей встречи, когда я работал над незавершенной книгой о Фирсове и как-то узнал о «Вазир-Мухтаре», я задал ему несколько вопросов. Он несколько удивился, но вспоминать эту историю не захотел. Видимо, все случившееся хранилось в дальних уголках памяти.

«По обе стороны ramпы»

«По обе стороны ramпы» [5] — название последней книги Б.М. Фирсова, над которой он работал совместно с Наталией Печерской, сотрудницей Европейского университета в Санкт-Петербурге. Книга — о театральной жизни: о зрителях и творцах театрального искусства.

На сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов 14 мая 2021 г. был размещен мой пост о выходе в серии ЖЗЛ книги «Борис Фирсов». Пост начинался так: «Я часто звоню Борису Максимовичу Фирсову, позвонил и в среду 5 мая. Поздравил его с Днем Победы, он — блокадник и знает, что такое война. Поговорили за жизнь. У него уже наступал вечер, голос был усталым, и был он не в лучшем настроении; поводы есть. Но сказал, что закончил работу над рукописью новой книги с условным названием “По обе стороны ramпы”» [2]. Это сборник материалов многолетнего изучения группой «Социология и театр» репертуара и зрителей ленинградских драматических театров. На протяжении всех 1980-х гг. Фирсов активно поддерживал этот проект, а в последние годы руководил всей работой. Я знал, что в дальнем углу антресолей БМ хранил материалы этого исследования и что он начинал готовить их к публикации. Возможно, он давно решил издать все это, если после завершения других дел у него будут силы окунуться в театральную жизнь предперестроечного Ленинграда. Сообщение о завершении этой работы обрадовало меня, так как я был постоянным участником этого проекта.

Прошло два с половиной года. Фирсову уже 94 года, и книга «По обе стороны ramпы. Театральная жизнь Ленинграда (1981–1989)», созданная тоже совместно с Н. Печерской, начала свою жизнь — думаю, долгую и активную. Она — для социологов и театроведов, для историков культуры и просто для любителей и ценителей театра. Она — о спектаклях и атмосфере театра, о зрителях и творцах сценического искусства.

Все началось в 1973 г., когда был образован костяк исследовательского коллектива «Социология и театр», который при поддержке Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества приступил к анализу репертуара Ленинградского драматического театра. Оглядываясь на полвека в прошлое, без ложной скромности скажу: эта исследовательская команда оказалась способной к восприятию непростых вызовов времени. Мы — несколько социологов и театроведов — все были молоды и достаточно опытны профессионально, нам было интересно работать. Самый зрелый Фирсов (44 года) согласился стать нашим консультантом. У него не только был опыт исследователя массовой коммуникации и культуры, но в силу истории его многообразной досоциологической деятельности он обладал огромным авторитетом среди лидеров ленинградского актерско-режиссерского цеха. Они знали его как директора Ленинградского телевидения в 1962–1966 гг., признаваемых сегодня «золотым временем» ленинградского ТВ.

Вспоминается история, показывающая, что исследование театральной жизни Ленинграда могло бы и не состояться. Наверное, в 1974 г. или в начале 1975 г. был первый отчет группы о проделанной работе. На одной стороне большого стола сидели все члены исследовательской команды, на другой — расположились главные режиссеры драматических театров города. Большую часть всего обсуждения вел Кирилл Юрьевич Лавров в гриме В.И. Ленина, он приехал со съемок какого-то фильма об Ильиче. Первое слово было предоставлено руководителю исследования театроведу и социологу Виталию Дмитриевскому, он рассказал об основных выводах наших теоретических и эмпирических поисков. Потом началось «избиение» социологов, главные режиссеры — народ зубастый и в словах не очень разборчивый. Обстановка накалилась, помню, я впервые в жизни осознал, что сердце расположено в левой стороне груди. Когда почти все главрежи отстрелялись по нам, попросили сказать о работе консультанта исследования. Фирсов отметил принципиальную новизну социологического анализа театрального репертуара, сложность перевода театроведческого языка на социологический, серьезное отношение исследователей к своему делу и предложил одобрить сделанное и дать возможность группе продолжить начатое дело. Тишина... И здесь поднялся актер и режиссер Игорь Владимиров — высокий, мощный, седовласый — и сказал: «Я мало что понял в сделанном социологами, но за многие годы знакомства с Фирсовым я привык ему верить. Давайте разрешим социологам продолжить работу». Его поддержал и Лавров-Ильич. Итог: исследование продолжалось до конца 1980-х.

Я не помню, ощущали ли мы, что в конце 1980-х гг. завершается наш многолетний «театральный роман». Поначалу — нет, но потом

стало ясно, что в огне брода нет. Все стремительно менялось, но важно то, что работа все же была завершена.

Прошло много лет, методология и выводы социологического анализа жизни драматического театра Ленинграда на значительном отрезке 1970—1980-х гг. отражены в статьях, сборниках, книгах, но Фирсов — с его особым пониманием времени и трепетным, почти священным отношением к сделанному — чувствовал свою ответственность за публикацию материалов, годами хранившихся на антресолях. Книга увидела свет за полгода до смерти БМ. Предрекаю ей значимое место в социологии и театроведении России, в российском культуроведении.

Он разрешил себе уйти, только когда сделал все

Получив 18 января 2024 г. сообщение о смерти Бориса Максимовича Фирсова, я сразу написал в Facebook: «Сегодня не стало друга жизни... 30 декабря 2023 г. ушла Галина Степановна Фирсова. Это была его последняя зацепка за жизнь... Он ВСЕ сделал».

Ничего больше я написать не мог, внутри все то ли оборвалось, то ли замерзло. Я понимал, что не смогу проститься по-человечески с ним, и написал несколько строк друзьям, которые, по моим представлениям, должны были быть на панихиде и зачитать их: «Дорогой БМ, в откликах на твой уход частым оказывается слово “великий”. Точное слово... Ты не оставил Галю одну надолго. И в этом тоже твое величие... Осиротел твой дом на ул. Грота, который знал тебя 90 лет... Это важнейшая страница твоей жизни... Для меня ты — друг жизни. Был и останешься навсегда...»

Поясню слова о доме на улице Грота. В 1935 г. военнотрудовой Максим Фирсов с молодой женой Лидией и шестилетним сыном Борей был послан служить в Ленинград и получил квартиру в доме на углу ул. Грота и ул. Профессора Попова на Петроградской стороне. Дом возводился для строителей коммунизма — небольшие квартирники и помещения общего назначения: библиотека, комната для занятий музыкой, игр детей. Все это в прошлом, и, возможно, БМ — единственный или один из очень немногих жителей этого многоквартирного коммунистического дома, который помнит те времена. У него были серьезные основания и большие возможности улучшить жилье, но он не делал этого.

Последние несколько лет БМ тяжело болел, и тяжело была больна его жена. Но он старался оставаться самим собой и неуклонно выполнял намеченное. Он всегда был таким.

В 2014 г. в связи с 85-летием Фирсова я написал о нем небольшой текст, который задумал озаглавить «Созидатель». Зная чуткость друга просто к добрым, без лести, словам в его адрес, я решил согласовать с ним заголовок. И получил отпор. БМ утверждал, что слово «созидатель» относится лишь к Всевышнему. Исчерпав все аргументы в поль-

зу применимости этого слова к человеку, много и в высшей степени продуктивно работающему, я обратился за помощью к нашим общим друзьям — высочайшего уровня профессионалам-социологам и нравственным авторитетам: Андрею Николаевичу Алексееву и Владимиру Александровичу Ядову, которые знали Фирсова дольше меня, с комсомольских времен. По их мнению, слово «созидатель» в полной мере было применимо к Фирсову, и они приняли мое предложение стать соавторами текста. В «Социологическом журнале» (2014, № 2) в качестве авторов указаны Алексеев и Докторов, Ядов тогда был главным редактором журнала и не разрешал себе часто появляться на его страницах. Но в петербургском социологическом журнале «Телескоп» (2014, № 3) указаны три автора: Алексеев, Докторов и Ядов.

Так, к нашей общей радости, Фирсов начал обоснованно входить в сознание нашего профессионального сообщества как Созидатель.

Мое интервью с Б.М. Фирсовым, в котором он рассказал о прожитом, начинается словами: «Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком» [7, с. 1]. Это был обет самому себе, и он выполнил его в полной мере.

Завершилась жизнь Бориса Максимовича Фирсова — выдающегося ученого и мощной личности. Окончилась биография, началась постбиография. Фирсов сделал все. Сохранение памяти о нем, или его постбиография, — дело его современников и следующих поколений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Personality

BORIS Z. DOKTOROV¹

¹ Independent researcher.

Foster City, California, USA.

A LITTLE KNOWN SIDE OF B. M. FIRSOV

Abstract. On the 18th of January we lost Boris Maksimovich Firsov (1929–2024), a scientist of exceptional magnitude and a person of extraordinary civic courage. He most certainly can be regarded as a man of different eras with rich and diverse life experience. Early on in his career he held high-ranking management positions, and he would later go on to conduct complex scientific and organizational operations in the field of sociology. His research covered various strata, states of mass consciousness, the history of sociology, and in more recent years — social history. Boris Firsov is responsible for establishing the Sociology institute of the RAS, he was the founder and first rector of the European University at St. Petersburg. He was frequently mentioned by his colleagues in their writing, and in the year 2021 a book by V. Vyzhutovich titled “Boris Firsov” came out as part of the “Life of remarkable people. Biography continues” book series. The author of

this article had been a friend and colleague of Firsov for half a century, and as such is in a position to detail certain aspects about the life of Mr. Firsov and his scientific research that are not well known to the public. The article goes into B. Firsov's involvement in the world of theater: his significant contribution to putting together a play called "Springtime at the LETI" [Leningrad Electro-Technical Institute] (1953) which was an early symbol of the political thaw; the script he wrote for a play called "The Death of Vazir-Mukhtar" (1969) that never got to be shown on television and was based on a novel by Yuri Tuynanov; him participating in a one-of-a-kind project known as "Sociology and theater" (1973–1989).

Keywords: Boris Maksimovich Firsov (1929–2024); Leningrad theater; sociology of theater; the history of sociology in Russia.

For citation: Doktorov, B.Z. A little known side of B.M. Firsov. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 171–190. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.8

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher. **Email:** bdoktorov@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Докторов Б.З. Я живу в двуедином пространстве... М.: ЦСПиМ, 2020. — 288 с.*
Doktorov B.Z. Ya zhivu v dvuedinom prostranstve... [I live in a dual space...] Moscow: TsSPiM publ., 2020. 288 p. (In Russ.)
2. На выход в серии ЖЗЛ книги «Борис Фирсов» // Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС) [электронный ресурс]. Дата обращения 18.03.2024. URL: <http://sociologists.spb.ru/news/1307-2021-05-14-10-11-29>
On the release of the book "Boris Firsov" in the "The lives of wonderful people" book series (LWP). *Sankt-Peterburgskaya assotsiatsiya sotsiologov (SPAS)*. [Saint Petersburg Association of Sociologists (SPAS).] Accessed 18.03.2024. URL: <http://sociologists.spb.ru/news/1307-2021-05-14-10-11-29> (In Russ.)
3. Невосторженные размышления. Интервью 1995–1996 / Ред.-сост.: Б.М. Фирсов, Н.В. Печерская. СПб.: Европейский университет в СПб., 2019. — 704 с.
Nevostorzhennye razmyshleniya. Interv'yu 1995–1996. [Unenthusiastic thoughts. Interview 1995–1996.] Ed. by: B.M. Firsov, N.V. Pecherskaya. Saint Petersburg: European University in St Petersburg publ., 2019. 704 p. (In Russ.)
4. Невосторженные размышления. Интервью 2018 года / Ред.-сост.: Б.М. Фирсов, Н.В. Печерская. СПб.: Европейский университет в СПб., 2021. — 384 с.
Nevostorzhennye razmyshleniya. Interv'yu 2018. [Unenthusiastic thoughts. Interview 2018.] Ed. by: B.M. Firsov, N.V. Pecherskaya. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet v SPb. publ., 2021. 384 p. (In Russ.)

5. По обе стороны рампы. Театральная жизнь Ленинграда (1980–1989) / Ред.-сост. Б. Фирсов, Н. Печерская. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2023. — 332 с.
Po obe storony rampy. Teatral'naya zhizn' Leningrada (1980–1989). [On both sides of the ramp. Theatrical life of Leningrad (1980–1989).] Ed. and comp. by B. Firsov, N. Pecherskaya. Saint Petersburg: Izd-vo EUSPb. publ., 2023. 332 p. (In Russ.)
6. Почти сорок лет спустя (Беседа Б. Докторов и Б. Фирсова) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 3. С. 6–15.
Almost forty years later (Conversation between B. Doktorov and B. Firsov). Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. 2009. No. 3. P. 6–15. (In Russ.)
7. *Фирсов Б.М.* О себе и своем разномыслии // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 1–22.
Firsov B.M. About myself and my differences of opinion. Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev. 2005. No. 1. P. 1–22. (In Russ.)
8. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб.: Изд-во Европейского дома, 2008. — 543 с.
Firsov B.M. Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody. [Diversity in the USSR. 1940–1960s.] Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo doma publ., 2008. 543 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.02.2024; поступила после рецензирования и доработки: 18.03.2024; принята к публикации: 19.03.2024.

Received: 17.02.2024; revised after review: 18.03.2024; accepted for publication: 19.03.2024.